

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 117

(Февраль).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Обрѣтохомъ Мессію!—Замѣтки мірянина. *Н. К.*—Преподобный Феодосій Тотемскій и его обитель. (28 Января). *.*—Новая священная катаномба *Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*—Воспоминаніе объ о. *Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Ника-Ната.*—Дѣйствительна и спасительна молитва за усопшихъ. *Святи. І. Шарова.*—Любителямъ Слова Божія. *Е. Н.*

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ОБРЪТОХОМЪ МЕССИЮ!

гласа, всякія радости и веселія исполненнаго: *обрѣтохомъ Мессію!* Братъ брату, Апостоль Апостолу, перевозванный Андрей теплѣйшему Петру возвѣщаетъ: *обрѣтохомъ Мессію!* Обрѣтохомъ Мессію, Богомъ Самимъ обѣщаннаго! О, сколь блаженны вы, Петре и Андрее святой съ другими, братією вашею, что такое неоцѣненное Сокровище обрѣли! *Блаженни очи ваши видѣвшіи и уши ваши слышавшіи, и руку вашу осязавшіи о Словеси животннѣль!* Но скажите и намъ, Апостоли святіи, любезніи наши учителя: гдѣ намъ такое Сокровище обрѣсти? Хотемъ и мы обрѣсти его; ибо если и обрѣли Его крещеніемъ святымъ, но паки, — о крайней бѣдности нашей! — паки нерадѣніемъ нашимъ потеряли сіе неоцѣненное Сокровище. Ищите, глаголють они, и обрящете. Гдѣ намъ Свѣта нашего, Сокровища нашего искать? А непременно Онъ гдѣ нибудь между рабами Своими есть. Хотя Онъ и возшелъ на небеса, и сѣдитъ одесную Бога Отца, однакоже не разлученъ быти обѣщался и отъ земныхъ: *съ вами есмь, рече, до скончанія вѣка.* Поищемъ же Его прилежнѣе, возжегши свѣщу, по подобію евангельскія оныя вдовицы, и можетъ быть обрящемъ. Господи, яви намъ зракъ лица Твоего! Равви, сладчайшій нашъ Утѣшитель, гдѣ живеши? *Приидите, глаголетъ, и видите.* Ахъ, слышимъ, гласъ сладчайшаго нашего Учителя, слышимъ: *идѣже два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ.* Вотъ Онъ гдѣ намъ отзывается, вотъ гдѣ жилище, гдѣ покой Свой имѣетъ сладчайшій Свѣтъ нашъ. *Идѣже, рече, два или трие собрани во имя Мое, ту есмь и Авъ посредѣ ихъ;* тамо, говоритъ Онъ, мѣсто покоищу Моему, гдѣ двухъ или трехъ любовь искренняя, любовь нелицемѣрная соединяетъ: *идѣже два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ.* Но и тутъ примѣчать должно, что не просто собраніи Христа сожительствующа себѣ имѣютъ, но во имя Его святое собраніи. Многіе собираются, но не во имя Его. Собирались нѣкогда Анна и Каиафа съ духами фари-

сейскими, обаче не во имя Хрістово, но на Хріста; собирались Иродъ и Понтійскій Пилать, но на Хріста,—единъ на безчестіе, на укоризну, на поруганіе, а другій на убійство соглашаяся. Собираются и нынѣ воръ съ воромъ, разбойникъ съ разбойникомъ, піяница съ піяницею; обаче не во имя Хрістово, но на Хріста. Ибо всѣ сіи и симъ подобные заповѣди Его святыя разрушаютъ, на Хріста собираются: *уже, рече, нѣтъ со Мною, на Мя есть, и уже со Мною не собираетъ, расточаетъ*: далеко и отъ сихъ незаконныхъ соборищъ, отъ сихъ іудейскихъ сонмищъ отходитъ сладчайшій Іисусъ. Да гдѣ же Онъ? *Идѣже собрани во имя Его* святыя, тамо почиваетъ Онъ, тамо покоище Его, гдѣ любовь хрістіанская. А что есть любовь хрістіанская? Сія любовь, какъ научаетъ Апостоль святой, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся любитъ, всему вѣру еметъ, вся уповаетъ, вся терпитъ и николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 4—7). Се есть любовь хрістіанская, тутъ и Хрістось, какъ въ прекрасной палатѣ, обитаетъ. Вотъ гдѣ обрѣли мы Хріста, обрѣли посредѣ любви хрістіанской!

(Изъ Твореній Тихона Задонскаго).

ЗАМѢТКИ МІРЯНИНА.

Богъ есть такое Существо, безъ Котораго мы быть и жить не можемъ. Его мы въ тайнѣ души имѣемъ своимъ Владыкою, Отцомъ и благодѣтелемъ; Его дѣлаемъ участникомъ своихъ чистыхъ радостей; Его благодаримъ и прославляемъ за посылаемая намъ блага въ жизни; Ему возносимъ свои грѣховныя сердца; Его просимъ быть помощникомъ въ постигающихъ насъ скорбяхъ; Ему молимся благоустроить нашу жизнь и ниспослать намъ Свою благодатную помощь; Его просимъ также сохранить насъ непорочными въ хрістіанскомъ жительствѣ и быть намъ прибѣжищемъ во искушеніяхъ и буряхъ душевныхъ во вся дни жизни нашей; на Него возлагаемъ мы свои надежды и упованія и Ему ввѣряемъ свою жизнь, свою конечную судьбу и участь нашу!...

Грѣхъ ослабляетъ душевныя очи, и душа находясь въ грѣховномъ состояніи, не чувствуетъ и не познаетъ ни своего душевнаго устроенія, ни другихъ; напротивъ, добродѣтель очищаетъ очи душевныя и сердце по мѣрѣ очищенія отъ страстей легко познаетъ и ощущаетъ, какъ свое состояніе души, такъ и грѣхъ, съ которыми входитъ въ общеніе.

„Едине вѣдый человѣческаго существа немощъ“ (1-го гл. 2-я п. Воскр. кан.). Съ жизни, съ опыта и съ глубокаго самопознанія сложились въ сердцѣ святаго Іоанна Дамаскина такія умиленные слова.

Видно, что и святые не сильны были сами собою на дѣла Богоугодные, а нуждались въ высшей помощи во всемъ. Что же мы грѣшныя скажемъ о себѣ? Немощность свою къ добру мы ощущаемъ еще въ большей степени, но изрекать сердцемъ такія умиленные слова не можемъ; ибо не поднялись еще мы на ту высоту смиренномудрія, на которой стояли святые, и не снизошли въ ту глубину самопознанія душевнаго, въ которой были святые!

Мы, хрістіане, имѣемъ такого великодаровитаго Творца Господа, готоваго послушателя нашихъ моленій, скорого утѣшителя и помощника въ скорбяхъ и милостиваго заступника во браняхъ; и однако, не пользуемся щедротами Владыки себѣ во благо; благодать Его почему то не оживотворяетъ нашей души, не утѣшаетъ и не успокоиваетъ ее во всемъ; на нашихъ сердцахъ все еще лежатъ тяжести скорбей—скорбей не о грѣхахъ своихъ, и не о грѣхахъ ближнихъ и собратій своихъ,—но о многомъ другомъ; тогда какъ хрістіанской душѣ свойственна радость о Господѣ Богѣ. Скорби у хрістіанина только до Бога. Всю тяжесть свою, какую онъ имѣетъ на сердцѣ, возноситъ и передаетъ Богу, а отъ Него пріемлетъ утѣшеніе, успокоеніе, радость и миръ.

Съ перемѣною внутреннею, измѣняются какъ то и внѣшнія событія, или человѣкъ самъ но себѣ дѣлается выше всѣхъ житейскихъ невзгодъ. Хотя также сыплются на него стрѣлы скорбей и искушеній, но его не уязвляютъ, потому что въ душѣ своей онъ обрѣтаетъ крѣпость, утѣшеніе и скорое заступленіе.

Наши скорби и тягости свидѣтельствуютъ только о томъ, что отпали мы отъ Создателя своего за грѣхи наши и лишились Его благодатной помощи во всемъ! И до того времени, пока въ нашемъ сердцѣ пребываютъ страсти и грѣховныя расположенія, не можетъ быть въ немъ ни истиннаго мира, ни радости о Господѣ Богѣ; ибо миръ и радость являются по мѣрѣ очищенія сердца.

Преподобный Феодосій Тотемскій и его обитель.

(28 Января).

Когда паломникъ подъѣзжаетъ лѣтней порой на пароходѣ къ городу Тотмѣ, онъ не можетъ не обратить вниманія на виднѣющіеся издали величественные храмы, съ высокой колокольней, на лѣвомъ берегу рѣки Сухоны, въ окрестностяхъ города. Это—обитель преподобнаго Феодосія, Тотемскаго чудотворца.

Особенно же привлекаетъ взоръ путника величественная монастырская колокольня. Она напоминаетъ ему что-то знакомое, близкое, родное...

Паломникъ начинаетъ припоминать родныя святыни и въ памяти его воскресаетъ во всей своей красѣ великая лавра Сергіева. Вотъ откуда заимствованъ образецъ колокольни... При этомъ открытіи путникъ углубляется въ вѣка минувшіе и созерцаетъ жизнь двухъ подвижниковъ благочестія.

Хотя они удалены были другъ отъ друга пространствомъ вѣковъ, но духомъ были близки другъ къ другу...

Основатель и первоначальникъ Тотемской обители—преподобный Феодосій былъ постриженникомъ Спасо Прилуцкаго монастыря, основаннаго преподобнымъ Димитріемъ, другомъ и собесѣдникомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Духъ двухъ святыхъ друзей видимо почиваетъ на Тотемской обители.

Сойдя съ парохода, путникъ поднимается на высокій берегъ Сухоны. Чтобы достичь обители, онъ долженъ перерѣзать городъ во всю его ширину. На пути постоянно встрѣчаются древніе величественные храмы, весьма приличной архитектуры.

Когда паломникъ выѣзжаетъ за городъ, картина обители, отстоящей въ одной верстѣ отъ города, встаетъ во всей красѣ. Кругомъ зеленѣютъ поля. Дорога идетъ по покатости, склоняющейся къ рѣчкѣ Ковдѣ. За рѣчкой опять начинается возвышенность, ограниченная по другую сторону также небольшою рѣчкой Песью Деньгой. Эти двѣ рѣчки, впадающія вблизи въ Сухону, образуютъ собою мысъ, на которомъ и расположенъ монастырь преподобнаго Феодосія.

За мысомъ начинаются горы, окаймляющія обитель лѣсной рощей.

На пути въ обитель вы встрѣчаете красивое зданіе монастырской церковно приходской школы. Дальше, переправившись по мосту чрезъ рѣчку Ковду, поднимаетесь по возвышенности и входите въ священныя стѣны обители.

Мало сохранила намъ древность свѣдѣній о жизни преподобнаго Феодосія. Родиной его была Вологда.

Отецъ его назывался Юліаномъ и происходилъ изъ рода Сумориняихъ. Время рожденія около 1530 года.

Достигнувъ возраста, Θεодосіи (мірское имя его не извѣстно) вступилъ въ бракъ и имѣлъ дочь Марину. Но жена его скоро умерла. Умерли и родители. Осталась одна мірская привязанность у Θεодосія—это забота о воспитаніи дочери. Но скоро онъ поручилъ ее попеченію родственниковъ, предоставивъ въ ея пользованіе все свое имѣніе, а самъ исполнивъ давнее желаніе сердца—отрекся отъ міра и принялъ иноческое постриженіе въ Прилуцкой обители.

Новый инокъ въ своей подвижнической жизни явился подражателемъ преподобнаго Димитрія. Ревностно исполнялъ онъ свое иноческое послушаніе, усердно посѣщаль храмъ Божій, питался хлѣбомъ и водой. Строгая жизнь снискала къ нему общее уваженіе. Не долго, однако, продолжались подвиги Θεодосія въ Прилуцкомъ монастырѣ. Скоро онъ долженъ былъ принять на себя новое послушаніе.

Видя въ инокѣ Θεодосіи чловѣка строгой подвижнической жизни, прилуцкій игумень послалъ его въ городъ Тотму для наблюденія за соляными варницами, принадлежавшими Прилуцкой обители. Съ обычнымъ усердіемъ принялся преподобный за исполненіе новаго порученія и Господь благословилъ его труды. На новомъ мѣстѣ подвижничества онъ снискалъ себѣ еще большее уваженіе и любовь. Жители Тотмы почитали его какъ Ангела Божія.

Особенно же благословляли его заводскіе рабочіе, состоявшіе подъ его присмотромъ, ибо видѣли въ немъ рѣдкую заботливость о своемъ собственномъ благосостояніи.

Но, очевидно, новая жизнь не удовлетворяла душевнымъ стремленіямъ подвижника. Онъ бѣжалъ отъ міра, отрекся отъ него, а теперь опять были ввѣрены ему мірскія заботы хотя и въ формѣ иноческаго послушанія... *Преподобный же нача помышляти, како бы уединитися (любяше бо безмолвіе) и создати обитель...*

Монахъ безъ монастыря, что рыба безъ воды... Постоянно горѣвннй огонь въ варницахъ, клокочущій растворъ, выварившаяся соль о многомъ напоминали подвижнику. *Добро соль, аще же соль не слана будетъ, чимъ осолится? Имѣйте соль въ себѣ...* (Мр. IX, 50). Неудивительно, что въ душѣ подвижника зародилось непреодолимое желаніе создать монастырь въ окрестностяхъ города.

Обстоятельства были благоприятны. Въ то время жители Тотмы выселились отъ варницъ на высокій берегъ рѣки Сухоны. Прежнія обитаемая мѣста сдѣлались пустынными и безлюдными. Преподобный особенно возлюбилъ уединеніе въ Тотемской Месопотаміи, расположенной между рѣчками Ковдой и Песью Денъгой, на Симакинской пустоши. По замѣчанію быто-

писателя, мѣсто это расположено на горѣ прекрасной, отъ об-
ихъ сторонъ бѣше горами высокими и чащею лѣса остѣплено, и
нажитными мѣстами изобиловаше.

Пустошь принадлежала мѣстной жительницѣ Марьѣ Гри-
горьевнѣ Истоминой. Преподобный сталъ просить владѣлицу,
да дастъ ему мѣсто сіе создати церковь и монастырь вознагра-
дити. Съ радостію исполнила она просьбу старца, отдала землю и
свой даръ закрѣпила дарственной грамотой, въ которой, между
прочимъ, писала: „се азъ Марья, Григорьева дочи. Пстоминская
жена, съ дѣтьми своими, да со внукомъ приданова дали старцу
Феодосію Сумарину пустошь Симакинскую на Песьѣ Денѣгѣ и
на Ковдѣ, а дали на монастырское строеніе. А не учнеть Феодосіи
на тѣхъ мѣстахъ монастыря—пустыньки строити, мнѣ Марьѣ
со своими дѣтьми и внукомъ владѣти по старому“...

Но напрасны были опасенія благотворительницы. Съ тѣхъ
поръ еще болѣе усилилось стремленіе подвижника къ созданію
обители. Онъ предпринялъ путешествіе сначала въ обитель сво-
его постриженія, съ просьбою къ игумену Арсенію—благосло-
вить его на созданіе своей обители. Получивъ благословеніе,
старецъ долго со слезами молился, принавъ къ ракъ преподо-
бнаго Дмитрія.

Возвратившись въ Тотьму, онъ поселился въ излюбленномъ
мѣстѣ... По иноческому обычаю онъ водрузилъ на немъ крестъ,
обозначая мѣсто для созданія новой обители, а потомъ, *воздвѣвъ
руцѣ свои на небо, помолился на многъ часъ со слезами*, призывая
благословеніе Божіе на предстоящіе труды свои. Для жительства
онъ сначала поставилъ себѣ *кущу малу, хвастіемъ огражденну,*
и сказалъ: *се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣ и вселюся.* Спустя нѣ-
которое время, онъ ископалъ себѣ *неперу змѣяго ради пребы-*
ванія и подвизался въ ней.

Много народа стало приходитъ къ подвижнику *ради душевной
пользы.* Подолгу онъ бесѣдовалъ и молился съ приходившими.
Христіяне приносили ему пропитаніе. Съ теченіемъ времени
онъ поставилъ себѣ деревянную келлію. Днемъ онъ трудился, а
ночью пребывалъ въ молитвѣ, не давая себѣ ни сна, ни покою.
Число ревнующихъ его доброму житію возрастало. Количество
приношеній на монастырь увеличивалось. Многіе отдавали ему
свои паи на варницахъ. Другіе дарили села и угодыя. Настало
время созданія обители.

Въ 1554 году преподобный предпринялъ путешествіе въ цар-
ствующій градъ Москву, къ Царю и Митрополиту съ челобитной
отъ жителей города Тотьмы, въ которой они писали: „на Тотьмѣ
и во всемъ Тотемскомъ уѣздѣ монастыря нѣтъ и въ томъ имъ
бываетъ нужда великая, а хочеть у нихъ на Тотьмѣ церкви
воздвигнути и монастырь строити собою старецъ Феодосіи

Сумаринъ“. Потому они просили Государя—„старца Феодосія Суморина пожаловать—освободить его воздвигнути церковь во имя Преображенія Господня, игумена и діакона къ той церкви поставить служить и монастырь соорудити на Тотъмѣ и велѣти отцу своему Макарію Митрополиту всея Русіи благословити (упомянутаго старца) въ томъ монастырѣ смотрительствовати“.

Царь соизволилъ удовлетворить всѣ просьбы и 20 февраля 1554 года Феодосій получилъ царскую грамоту на созданіе новой обители.

На обратномъ пути въ Тотьму преподобный еще разъ посетилъ Прилуцкую обитель и молился у гроба своего небеснаго покровителя. Въ благословеніе ему дана была икона Божіей Матери, которая и до сихъ поръ хранится въ Тотемской обители у раки мощей преподобнаго, какъ великая святыня.

По возвращеніи Феодосій ревностно сталъ трудиться надъ созданіемъ монастыря. Въ томъ же году онъ создалъ церковь и при ней келліи для братіи. Соорудивъ обитель, преподобный составилъ при ней общежитіе. Для поддержанія обители онъ получилъ вскорѣ жалованную грамоту отъ царя Ивана Васильевича о безпошлинной продажѣ монастырской соли. На пожертвованной землѣ онъ устроилъ мельницу и приобрѣлъ новыя угодья. Съ благословенія Ростовскаго Архіепископа преподобный возобновилъ Ефремову пустынь и составилъ при ней общежитіе.

Среди непрестанныхъ трудовъ по устройству обители преподобный не оставлялъ своихъ аскетическихъ подвиговъ. Онъ возложилъ на себя вериги желѣзныя и облекся жесткою власнищею. На головѣ подъ кукулемъ носилъ онъ тяжелую желѣзную шапку.

Четырнадцать лѣтъ подвизался преподобный въ своей обители, подавая примѣръ боговрученной паствѣ. За годъ до смерти онъ составилъ духовное завѣщаніе, которое хранится въ обители какъ драгоценный памятникъ его трудовъ и заботъ о ея благоустройствѣ. Все иноческое имѣніе, какъ то: иконы, книги, церковную утварь и одежды онъ завѣщалъ церквамъ и монастырямъ на поминъ души.

Предвидя свою кончину онъ призвалъ къ себѣ братію, простился съ нею, причастился Св. Таинъ и съ молитвою на устахъ предалъ свой духъ Богу. Онъ преставился 28 Января 1568 года и погребенъ въ своей обители. Надъ могилой его была положена плита со слѣдующею надписью: *лѣта 7076, мѣсяца Іаннуарія 28 дня преставися рабъ Божій строитель и начальникъ сей пустыни Феодосій Ульяновъ Сумаринъ.*

Съ теченіемъ времени стало забываться мѣсто погребенія преподобнаго. Но Богъ дивно прославилъ Своего угодника.

При устройствѣ новой церкви трудившіеся надъ ея созданіемъ.

копали однажды ровъ для фундамента стѣны церковной. Гдѣ предполагалась могила преподобнаго, тамъ ея не оказалось. Стали копать по сосѣдству для другой стѣны. Тутъ нашли гробъ. Такъ какъ онъ лежалъ поперекъ рва и препятствовалъ продолженію работы, то гробъ стали извлекать изъ земли, чтобы перенести его на другое мѣсто, какъ переносили и другіе найденные гробы. При этомъ веревка, при помощи которой хотѣли совершить это дѣло, нечаянно задѣла за крышку гроба. Крышка открылась и подъ нею узрѣли нетлѣнныя мощи схимника.

На схимѣ обозначено было его имя. То былъ Феодосій основатель и первоначальникъ Тотемской обители. Обрѣтеніе мощей совершилось въ 1796 году, спустя 228 лѣтъ по его представленіи.

Чудеса и исцѣленія давно уже совершались по молитвамъ къ преподобному и установилось мѣстное его почитаніе. Еще Петръ I, проѣздомъ въ Архангельскъ 17 Іюля 1693 года, посѣтилъ Тотемскую обитель и возложилъ на икону преподобнаго, написанную на его гробницѣ, шейный образокъ—распятія Хрїстова, обдѣланный изъ янтаря, въ видѣ сердца, въ серебряной позолоченной оправѣ, съ такою же цѣпочкою. Теперь, съ открытіемъ мощей преподобнаго, участились чудесныя знаменія. Народъ во множествѣ сталъ стекаться въ обитель. Начались хлопоты объ открытіи мощей, причисленіи къ лику стяжыхъ угодника Божія и всеобщемъ его почитаніи. Тогдашній строитель монастыря Израиль писалъ начальству: „народъ угнетаетъ (требуетъ открытія мощей), милость Божія является, а мощи пречудны“...

Наконецъ, настали великія событія для Тотемской обители.

Въ 1798 году, послѣ неоднократнаго освидѣтельствованія честныхъ мощей угодника, преподобный Феодосій былъ причисленъ къ лику святыхъ и мощи его были открыты для всеобщаго поклоненія.

Цѣлодневный колокольный звонъ возвѣщалъ жителямъ Тотмы о столь радостномъ для нихъ событіи. Императоръ Павелъ I на донесеніи Св. Синода объ этомъ событіи собственноручно начерталъ: „пріемиемъ явленіе сихъ святыхъ мощей знакомъ благоволенія Господня на царство Наше и возсылаемъ за то Наше теплое моленіе и благодареніе Благодарителю въ вышнихъ“.

Движимый чувствомъ хрїстіанскаго усердія къ новопрославленному чудотворцу, Императоръ препроводилъ въ Тотемскую обитель бархатную ризницу при слѣдующемъ рескриптѣ: „Духовное принося благодареніе промыслу Творца Вышняго за озареніе начала царствованія Моего явленіемъ и многими чудотвореніями Св. мощей преподобнаго Феодосія, Тотемскаго чудотворца, въ изъявленіе благоговѣнія Моего къ онымъ, посылаю при семъ въ обитель преподобнаго полную бархатную ризницу

для соборнаго священнослуженія. Приемля чистымъ сердцемъ и благодарнымъ сіе на дни Наша изліяніе Божія благодати, духовно молю, да всегда она на Мнѣ и на царствѣ Моемъ пребываетъ“.

Государь Императоръ Александръ I Благословенный послалъ въ обитель преподобнаго икону св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ золотомъ окладѣ, украшенную брилліантами, и покровъ на раку преподобнаго, а на другой годъ серебряныя вызолоченныя сосуды для св. Евхаристіи, крестъ, евангеліе и другіе предметы церковной утвари.

Теперь Тотемская обитель одна изъ славныхъ на нашемъ русскомъ сѣверѣ. Она служитъ, вмѣстѣ съ другими святынями, любимымъ мѣстомъ паломничества благочестивыхъ русскихъ людей, находящихъ въ ней радушный пріютъ и духовное утѣшеніе.

Отъ юности, преподобне Феодосіе, желаніе ко Христу Богу вперивъ, Его же ради градъ и отечество оставь и славу суетную яко прахъ вмишавъ, послѣдовалъ еси преподобному Димитрію и обители его сожителемъ былъ еси; переселився ко граду Тотмѣ и въ междорѣчье вселився, постомъ и бдѣніемъ и власнымъ отъяніемъ и веригами тѣло свое удручилъ еси. Сего ради Богъ, видѣвъ твои труды, и по преставленіи чудесы обогати тя: бысы изгоняещи, и слѣпыя просвѣщаещи, отъ всякихъ недуговъ и бѣдъ избавляещи приходящихъ къ тебѣ съ вѣрою и вопіющихъ: слава дающему ти крѣпость, слава вѣнчавшему тя, слава дающему тобою всемъ исцѣленія (Тропарь преподобному).

* * *

НОВАЯ СВЯЩЕННАЯ КАТАКОМБА.

Душа его во благихъ водворится.

Сегодня исполнилось ровно 40 дней со дня блаженной кончины нашего незабвеннаго батюшки о. Іоанна. Сегодня въ послѣдній разъ мы называемъ его „новопреставленнымъ“ и вся Россія, православно-вѣрующая и Церкви преданная, молится объ упокоеніи праведной души приснопамятнаго старца Божія. Въ сороковой день послѣ смерти, по вѣрованіямъ Церкви, рѣшается на частномъ судѣ Божиемъ судьба усопшаго... Какъ же благовременна, какъ полезна для души усопшаго молитва именно въ этотъ день!

Съ жгучей болью въ душѣ мы узнали о кончинѣ батюшки. Скорбью омрачились сердца русскихъ людей, начиная съ Царя нашего Благочестивѣйшаго и кончая послѣднимъ бѣднякомъ, ко-

торый слышалъ о праведникѣ, сердцемъ стремился къ нему и въ общеніи молитвы съ нимъ находить великое утѣшеніе.

Но замѣчаете ли вы, братія, что въ нашей скорби о почившемъ о. Іоаннѣ есть что-то умиляющее, что-то для скорбящаго сердца нашего успокоивающее, что наши слезы—не горькія слезы безнадежной разлуки, а сладкія слезы благодаренія Богу, что въ наше грѣшное, богоотступное время жилъ среди насъ такой богоугодный мужъ?.. Не чувствуетъ ли сердце ваше, что отшедшій къ Богу праведникъ, отрѣшившись отъ узъ плоти, духомъ своимъ и нынѣ витаетъ съ нами,—онъ здѣсь, онъ среди тѣхъ, кто молится о немъ, онъ радуется сей молитвѣ, благословляетъ молящихся и молится съ ними—за нихъ?

Въ окрестностяхъ древняго Рима есть подземелья, называемыя катакомбами: эти пещеры, вырытыя въ первыя времена христіанства руками мучениковъ, укрывавшихся здѣсь отъ гонителей, тянутся на нѣсколько сотъ верстъ, въ два-три яруса. Идешь длиннымъ—безконечнымъ корридормъ и при свѣтѣ факела или свѣчи видишь: и справа и слѣва, въ два-три ряда, въ стѣнахъ устроены мѣста для погребенія усопшихъ; многія гробницы вскрыты, но не мало еще и замурованныхъ: все это — гробницы святыхъ мучениковъ,—до трехсотъ тысячъ покоится ихъ тутъ! Во многихъ мѣстахъ углублены надписи на латинскомъ языкѣ: „спитъ въ мирѣ“, „почиваетъ во Христѣ“, „покоится въ Богѣ“... И тотъ, кто проходитъ по этимъ катакомбамъ, духомъ переносится въ вѣка давно минувшій, а сердцемъ чувствуетъ, что всѣ эти святые страдалцы за Христа молятся за грѣшный міръ, что они и въ самомъ дѣлѣ не умирали, а только *почиваютъ*, ждутъ здѣсь послѣдней трубы архангела, которая разбудитъ ихъ въ послѣдній день на встрѣчу грядущему Судии живыхъ и мертвыхъ. И встанутъ они изъ гробовъ своихъ, изъ этихъ углубленій въ стѣнахъ, и облеченные славою вознесены будутъ на облачѣхъ небесныхъ на встрѣчу Христу... Въ этихъ мирныхъ покоищахъ ихъ нѣтъ и напоминанія о смерти: все говоритъ о жизни вѣчной, все влечетъ васъ къ небу, къ общенію съ тѣми, кто почіетъ тутъ.

Вотъ такую же священною катакомбою является для насъ и эта усыпальница въ Іоанновскомъ монастырѣ, въ которой почиваетъ отъ многихъ великихъ трудовъ своихъ, отъ великихъ подвиговъ любви, нашъ дорогой батюшка о. Іоаннъ!... И надъ его гробомъ какъ бы слышатся животворящія слова нашего Господа Иисуса Христа: *не умре но спитъ*! И каждая слеза любви, пролитая у его гроба, будетъ благодатнымъ сѣменемъ утѣшенія и сердечнаго умиленія для скорбящей души. И каждый молитвенный вздохъ о упокоеніи его души будетъ отрадою для нашего сердца, ибо вѣруемъ милости Божіей, что какъ на землѣ онъ.

молился за всѣхъ своею пламенною, чудодѣйственною молитвою, такъ и въ небесныхъ селеніяхъ, гдѣ духъ его водворился, будетъ онъ отвѣчать на нашу за него молитву тою же святою молитвою.

Древніе хрістіане называли день смерти усопшихъ братій своихъ днемъ ихъ рожденія. Смерть хрістіанина поистинѣ есть рожденіе въ вѣчную жизнь. И какъ въ 40-й день по рожденіи новорожденный младенецъ воцерковляется: такъ въ 40-й день по кончинѣ душа въ вѣрѣ почившаго православнаго хрістіанина въ обителяхъ Отца небеснаго водворяется. Помолимся же, да упокоитъ Господь душу вѣрнаго раба Своего новопреставленнаго протоіерея Іоанна въ селеніяхъ праведныхъ, и насъ грѣшныхъ его святыми молитвами да помилуетъ и спасетъ, яко благо и челоуколюбець. Аминь.

Никонъ, епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Воспоминаніе объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ.

Неоднократно видѣвши о. Іоанна на его родинѣ, считаю долгомъ подѣлиться съ почитателями его нѣкоторыми о немъ моими воспоминаніями.

Въ 1892 году, лѣтомъ о. Іоаннъ, будучи у себя на родинѣ въ селѣ Сурѣ, пинежскаго уѣзда, архангельской губерніи, возвращался въ Кронштадтъ черезъ самый Архангельскъ и черезъ одинъ изъ глухихъ уѣздныхъ городовъ архангельской губерніи.

Пріѣхавъ въ Архангельскъ, онъ былъ приглашенъ въ одинъ домъ отслужить молебенъ съ водосвятиемъ. Исполнивъ положенія молитвы, о. Іоаннъ, какъ это онъ дѣлалъ всегда въ поѣздкахъ, сталъ освящать воду наперстнымъ своимъ крестомъ, а затѣмъ для окропленія хотѣлъ сломать вѣтку цвѣтка, стоявшаго тутъ же въ комнатѣ, но хозяйка дома предупредила желаніе о. Іоанна, сказавъ: „Батюшка, не ломайте только этотъ цвѣтокъ“. О. Іоаннъ исполнилъ просьбу хозяйки, но громко (онъ былъ тугъ на ухо и поэтому говорилъ очень громко) возразилъ: „Тебѣ жаль для Бога?“ И что же—на другой день молебна любимый цвѣтокъ хозяйки завялъ.

Затѣмъ, проѣзжая черезъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ архангельской губерніи, о. Іоаннъ былъ въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ, гдѣ служилъ обѣдню, во время которой была общая исповѣдь и причастіе. Нужно было лично быть и пережить тотъ религіозный энтузіазмъ, которымъ были охвачены всѣ бывшіе въ церкви и сподобившіеся исповѣдываться и принять изъ рукъ о. Іоанна св. причастіе.

Послѣ обѣдни настоятельница монастыря пригласила нѣсколь-

кихъ изъ бывшихъ въ церкви къ себѣ на трапезу. Ожидавшіе прихода о. Іоанна нѣкоторые изъ приглашенныхъ, разговаривая о пережитыхъ минутахъ и вспоминая случаи изъ жизни о. Іоанна, какъ бы желая лично испытать его, уговорились между собой не прикасаться къ вину до разрѣшенія о. Іоанна.

Дѣйствительно, сѣвъ за столъ никто не прикасался до тѣды и, въ особенности, вина, что, однако, никому не было извѣстно, кромѣ сговорившихся. И что же?—О. Іоаннъ, сѣвъ за столъ—громко сказалъ: „сейчасъ мы заботились и молились о своей душѣ, а теперь нужно подкрѣпить и тѣло“ и, любезно обратясь къ настоятелю, спросилъ: „Мать игуменя, разрѣшите выпить вина“.

Всѣ сговорившіеся тутъ же сознались о. Іоанну, но послѣдній смиренно промолчалъ.

Послѣ трапезы о. Іоаннъ посѣтилъ въ городѣ разныя учрежденія и между прочимъ былъ въ мѣстной больницѣ. Проходя по коридору больницы, о. Іоаннъ услышалъ очень громкій крикъ изъ женскаго отдѣленія, войдя въ которое увидѣлъ призывающую его женщину, лежавшую въ кровати. Эта женщина просила о. Іоанна помолиться о ея здоровьи. О. Іоаннъ, разспросивъ доктора и дотронувшись до головы больной, обратился къ намъ, сопровождавшимъ его, и сказалъ: „помолимся“ и тотчасъ же прочелъ нѣсколько молитвъ, благословилъ больную и мы всѣ отправились далѣе.

Интонація голоса о. Іоанна при обращеніи къ намъ со словами „помолимся“ была такова, что мы, почти всѣ присутствовавшіе, поняли, что надежды на выздоровленіе нѣтъ и больная должна умереть.

Пишущій эти воспоминанія былъ крайне пораженъ происшедшимъ, заинтересовался случившимся и желая провѣрить свое впечатлѣніе, просилъ доктора больницы сообщить ему о дальнѣйшей участи больной.

На другой послѣ этого день докторъ передалъ, что больная вслѣдъ за уходомъ о. Іоанна встала съ кровати, была сильно возбуждена и, несмотря на всѣ его, доктора, убѣжденія, требовала выписать ее изъ больницы, что докторомъ и было исполнено, и больная тотчасъ-же пѣшкомъ ушла въ свою деревню, отстоящую отъ города въ 5-ти верстахъ, а придя домой въ тотъ же день умерла.

Кромѣ перечисленныхъ случаевъ еще вспоминаю событіе, переданное мнѣ одной дамой, жившей въ г. Архангельскѣ.

У этой дамы лѣтъ 15 тому назадъ утонула дочь въ Сѣверной Двинѣ и какъ ни искали ея трупа, не могли найти.

Пораженная горемъ мать, желая получить утѣшеніе въ молитвѣ, пошла къ обѣднѣ, которую служилъ о. Іоаннъ. Въ концѣ

службы, когда молящиеся стали подходить подъ благословеніе о. Іоанна Кронштадтскаго, послѣдній, благословляя, сказалъ: „не плачь, мать, Варя найдетъся“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней трупъ былъ найденъ.

Пишу эти воспоминанія подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ утраты высокочтимаго мною о. Іоанна Кронштадтскаго.

(„Жизнь Волеыни“).

Ника-Ната.

Дѣйствительна и спасительна молитва за усопшихъ.

Въ одной изъ замоскворѣдскихъ церквей въ 1871 году умеръ отецъ діаконовъ И. Шаровъ, родной братъ мой, отъ свирѣпствовавшей тогда холеры, въ нѣсколько часовъ уложившей его во гробъ, не смотря на молодые его годы и крѣпкія силы. Насколько я любилъ его, настолько горестна была для меня потеря его. Отъ скорби вдался я въ тоску, которая оставляла меня только во время сна и молитвы. А молился я за душу его отъ всей души, движимый къ тому какъ любовію къ покойному, такъ еще сознаніемъ неполноты предсмертной его исповѣди, которая была приносима имъ въ состояніи мучительныхъ холерныхъ корчей. Вскорѣ по смерти онъ явился мнѣ во снѣ, какъ живой. Въ полномъ сознаніи переселенія его въ другой міръ, я началъ разговоръ съ нимъ о мытарствахъ.

— „Ты, вѣроятно, проходишь теперь мытарства?“—спрашиваю его.

— „Да“,—отвѣтилъ онъ.

— „Скажи, какъ ты проходишь?“

— „Очень трудно,—сказалъ онъ,—и вотъ почему: у діаволовъ, оказывается, все записано, кто въ чемъ согрѣшилъ, даже мысли, какія иногда невольнo возбуждались въ душѣ и пробѣгали съ быстротой молніи, на которыя мы не обращали и вниманія, забывая ихъ и не каюсь въ нихъ, и эти невольные и мимолетные грѣхи изобличаются на мытарствахъ, и самими душами и тогда воспоминаются и сознаются, какъ дѣйствительно бывшіе.“

При этомъ онъ вынулъ изъ подъ полы рясы таблицу, какъ бы картонную, размѣромъ нѣсколько больше четвертки почтовой бумаги, которая съ одной стороны вся была исписана грѣхами такъ мелко и часто, какъ будто насѣяна чернымъ макомъ.

— „И вотъ, сказалъ онъ, такихъ таблицъ было за мною 25, изъ коихъ 7 я загладилъ предсмертною исповѣдію, а 18 осталось за мною“.

Затѣмъ я спросилъ его. Пускаютъ ли васъ (умершихъ) на землю для свиданія?

— Да, пускаютъ, отвѣтилъ.

— Такъ приходи ко мнѣ почаще,—сказаль я ему, но онъ мгновенно исчезъ. Послѣ сего видѣнія я усилиль молитву за него, но въ теченіи десяти лѣтъ онъ ни разу не являлся во снѣ.

Когда Господь сподобиль меня благодати священства, то я, пользуясь ближайшимъ предстательствомъ у престола Божія, чѣмъ въ санѣ діакона, еще усерднѣе сталъ молиться о упокоеніи души любимаго брата, и вотъ на пятомъ году моего священства онъ является, но не мнѣ, а одной моей прихожанкѣ К. М., которая отличалась благочестивою жизнію и особенно усердными молитвами за усопшихъ. Разъ по утру неожиданно проситъ она меня чрезъ нарочнаго придти къ ней по важному дѣлу.

Явлюсь. Она спрашиваетъ: „Быль у васъ братъ, въ духовномъ санѣ умершій?“

— Быль діаконъ,—отвѣтилъ я.

П начала она описывать его примѣты съ такой ясностію, какъ будто она видала его живого, и затѣмъ рассказала слѣдующее: въ нынѣшнюю ночь онъ является мнѣ и говоритъ: скажите моему брату, что 5 таблицъ еще заглажено.—Кто вашъ братъ?—„Здѣшній священникъ“.—О какихъ таблицахъ бы говорите?—„Онъ уже знаетъ это, только скажите непременно“.—А что же вы не явились ему?—„Я явлюсь ему, когда всѣ таблицы будутъ заглажены“, отвѣтилъ онъ и исчезъ.—Вотъ зачѣмъ я послала за вами, сказала благочестивая прихожанка, чтобъ узнать тайну сновидѣнія—справедливо оно или нѣтъ. Я рассказалъ ей о явленіяхъ мнѣ покойнаго брата на первыхъ порахъ послѣ смерти его и о таблицахъ и тутъ-то созналъ, что то явленіе его мнѣ было не простое, какимъ считаль его прежде, а знаменательное, и сталъ ждать исполненія обѣщаннаго имъ явленія мнѣ. На пятомъ году моего ожиданія я получилъ извѣстіе о вторичномъ явленіи его прихожанкѣ моей, чрезъ которую онъ просиль меня особенно молиться за него въ великій четвертокъ. „Такъ нужно по грѣхамъ моимъ“, сказаль онъ, что, конечно, я исполниль съ возможнымъ усердіемъ и ежегодно тотъ великій день, когда установлена Господомъ безкровная жертва о грѣсѣхъ, напоминаеть мнѣ просьбу его, которую всегда считаю для себя святымъ заветомъ. Послѣ сего на осьмомъ, слѣдовательно на тридцатомъ году моего ожиданія личнаго явленія мнѣ брата, наконецъ онъ является мнѣ во снѣ, какъ обѣщаль, чтобы извѣстить меня о своей свободѣ отъ грѣховъ ¹⁾ Это явленіе было очень коротко. Сижу я будто за письменнымъ столомъ, вдругъ входитъ изъ сосѣдней комнаты покойный братъ въ рясѣ, какъ живой, и, идя мимо меня позади стула, проговориль явственно: „теперь я свободенъ“, и сталъ невидимъ. Этотъ строго послѣдовательный рядъ

1) Замѣчательно, что число лѣтъ молитвы совпадаетъ съ числомъ таблицъ неизглаженныхъ отъ грѣховъ.

явленій покойнаго не служить ли очевиднымъ признакомъ существующей связи между загробнымъ міромъ и земнымъ? Самыя явленія, очевидно, знаменательнаго характера не служатъ ли голосомъ съ того свѣта, который да послужитъ земнымъ жителямъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что души наши не прекращаютъ бытія своего, но переходятъ въ другой міръ духовный, гдѣ ожидаютъ ихъ мытарства съ обличеніями на нихъ самыхъ мельчайшихъ грѣховъ и нечистыхъ мыслей даже мимолетныхъ, и что молитвы, возносимыя за умершихъ, содѣйствуютъ прощенію грѣховъ ихъ и освобожденію отъ страданій, особенно если молитвы приносятся при безкровной жертвѣ.

Священникъ *И. Шаровъ.*

(Душеполезное чтеніе.
Октябрь, 1898 г.)

ЛЮБИТЕЛЯМЪ СЛОВА БОЖІЯ.

Нѣтъ въ мірѣ книги божественнѣе книги словесъ Божіихъ—Святой Библии. Самое слово *Библия* значитъ „книги“, то есть—это книга всѣхъ книгъ, всѣмъ книгамъ книга. Никакая книга такъ не дѣйствуетъ на душу, какъ слово Божіе, святая Библия. Въ ней и утѣшеніе, и вразумленіе, и наставленіе, и источникъ истины божественной. Въ ней—сама жизнь. Слово Божіе живо и дѣйственно и животворитъ тѣхъ, кто читаетъ его. Плохой тотъ хрістіанинъ, который не имѣетъ по крайней мѣрѣ новаго Заветъ въ своемъ жилищѣ. Мы должны читать слово Божіе каждый день, хоть по страничкѣ, хоть по нѣскольکو строкъ, чтобъ освятить имъ свой умъ и свое сердце. Святая книга словесъ Божіихъ должна въ каждомъ домѣ находиться близъ св. иконъ, ее долженъ лобызать хрістіанинъ и воставъ отъ сна, и ложась въ постель, послѣ утренней и вечерней своей молитвы.

Вотъ почему мы съ радостью привѣтствуемъ появленіе Библии на русскомъ языкѣ въ полномъ видѣ, съ указателями чтеній на всѣ дни года, въ маломъ, уютномъ форматѣ, въ 16 долю листа или малую восьмушку. И цѣна книги безъ переплета только *одинъ рубль*, а въ переплетѣ 1 р. 50 к. Правда, мы должны предупредить читателей, что печать мелкая, наборъ плотный, но для хорошихъ глазъ очень четкій, особенно для близорукихъ. Книгу можно получать изъ братской лавки Всемиловитаго Спаса въ Вологдѣ и конечно—изъ синодальныхъ типографій въ Петербургѣ и Москвѣ.

Е. Н.